

УДК 81-112

НЕМОТИВИРОВАННЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОЦЕССА КАТЕГОРИЗАЦИИ

СТУКОЛОВА Галина Петровна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики
дошкольного и начального образования,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена малоизученному на сегодняшний день аспекту синтаксической теории – «связанным» синтаксическим конструкциям русского языка. В современной синтаксической науке особый статус несвободных построений не подвергается сомнению, однако единства в трактовке общетеоретических вопросов нет. Несмотря на многочисленность исследований, большой объем описанного материала, многие вопросы, касающиеся теории и анализа немотивированных синтаксических образований, остаются нерешенными или решаются неоднозначно. Высказывания ученых о несвободных конструкциях были и остаются весьма противоречивыми. Невыясненной остается и причина появления синтаксической немотивированности. В статье предпринимается попытка рассматривать немотивированные синтаксические образования как результат процесса коммуникативной категоризации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: немотивированность, устойчивость, фразеологизация, категоризация, «речевой» текст, пропозиция, структурная схема предложения, позиционная схема высказывания.

UNMOTIVATED SYNTACTIC FORMATIONS AS A RESULT OF THE CATEGORIZATION PROCESS

Stukolova G.P., Cand. Philology Sci., Docent of the Department of Pedagogy and Methodology of Primary Education, Voronezh State Pedagogical University

ABSTRACT. The article is devoted to the presently insufficiently studied aspect of syntactic theory of "linking" syntactic constructions of the Russian language. In modern syntactic science, the special status of non-free constructions is not questioned, however there is no unity in interpreting general theoretical questions. Despite the large number of studies, the significant amount of the material described, many questions concerning the theory and analysis of unmotivated syntactic formations remain unresolved or are resolved ambiguously. The statements of scientists about non-free constructions were and remain very contradictory. The reason for the syntactic lack of motivation appearance remains unexplained. The article attempts to consider unmotivated syntactic formations to be the result of the communicative categorization process.

KEY WORDS: lack of motivation, stability, phraseological process, categorization, "speech" text, proposition, structural scheme of the sentence, utterance positional scheme.

Немотивированные синтаксические образования – это особый класс языковых единиц, некие несвободные структуры, которые отличаются от свободных синтаксических построений немотивированностью грамматических связей внутри конструкции и немотивированностью значения, ограниченной парадигмой, структурной и смысловой неразложимостью – *Тот же мне праздник; Где уж мне это понять; Мало ли о чем думают в такой ситуации; Можно сколько угодно размышлять о нравственности; Каково это – оказаться без помощи; Если быть откровенным, то у меня он такой ассоциации не вызвал; Если на то пошло, то скажу вам правду; Что касается меня, то вряд ли вы можете на меня рассчитывать; Только и радовался, что детям.* Подобные синтаксические образования, разнообразные по своей форме и содержанию, отличаются от мотивированных конструкции теми признаками, которые принято считать признаками лексических фразеологизмов.

В современной синтаксической науке имеется большое количество работ, посвященных изучению и описанию синтаксических построений свободного

типа (словосочетаний, простых и сложных предложений), в то время как разнообразные немотивированные, или несвободные, образования, несмотря на длительную традицию их изучения, теоретически не осмыслены и не описаны ни в научной, ни в учебно-методической литературе.

Тот факт, что в синтаксической подсистеме языка, наряду с симметричными, свободными по структуре знаками, существуют своеобразные синтаксические построения, ассиметричные, «связанные», с немотивированной грамматикой и семантикой, уже ни у кого не вызывает сомнения. В современной науке уже традиционным считается, что немотивированные синтаксические конструкции являются результатом того же самого процесса фразеологизации, что и немотивированные лексические единицы. Именно поэтому весь корпус несвободных построений сегодня принято называть синтаксическими фразеологизмами. Основные теоретические положения синтаксической фразеологии уже нашли свое отражение в академических грамматиках, в целом ряде научных статей, вузовских учебных пособий для филологов. Так, например, «Русская грамматика» [4] определяет синтаксические фразеологизмы и фразеологизированные структурные схемы простого предложения как построения, в

© Стуколова Г.П., 2017

которых связи и отношения компонентов оказываются необъяснимыми с точки зрения живых грамматических правил, поскольку компоненты связываются друг с другом идиоматически. К созданию синтаксических фразеологизмов приводит взаимодействие и интонации, и лексико-грамматических средств в составе предложения. Это некие формулы, которые определяют фразеологически связанное значение ряда конструкций при их различном лексическом наполнении.

Фразеологизация – сложный естественный диахронический процесс, сущность которого состоит в обособлении, изоляции единиц разных уровней, в том числе и синтаксического, от соотносительных свободных построений. Самым общим отличительным признаком всех фразеологических единиц считается единичность, немоделируемость, или обособленность от соотносительных свободных построений [7]. Все же остальные признаки (воспроизводимость, устойчивость, образность, семантическая цельность) рассматриваются как производные от него или его составляющие. В процессе фразеологизации в высказывании «запускаются» процессы уже другого уровня – процессы метафоризации, трансформации, транспозиции, интеграции, субституции, редукции, компрессии, которые и осуществляют перестройку высказывания, превращая его в несвободное, немотивированное образование. Так, наиболее часто к образованию синтаксической немотивированности ведет редукция, которая сопровождается смещением семантики с последующей десемантизацией отдельных элементов конструкции и их фиксированным закреплением в конструкции. Следы редукции можно обнаружить во многих синтаксических построениях «связанного» типа, если восстановить изначальные мотивированные грамматические связи внутри конструкции и симметричные (то есть мотивированные) отношения между семантикой и структурой высказывания. Ср.: *День как день – День такой же, как и любой другой день; Не успели мы войти в дом, как начался дождь – Мы успели войти в дом до того, как начался дождь; Нет чтобы в библиотеке посидеть – они в футбол играют – Они не в библиотеке сидят, а в футбол играют.*

Однако, признавая «связанные» синтаксические и лексико-синтаксические построения своеобразными явлениями языка, исследователи тем не менее называют эти образования по-разному: и «фразеосхемами», «связанными синтаксическими конструкциями» [9], и «фразеологизированными конструкциями» или предложениями фразеологического типа» [8], и «своеобразными идиоматическими построениями», и «фразеологическими единицами на рассстоянии», «дистантными фразеологизмами», «грамматическими идиоматизмами», и «типизированными образованиями», и «устойчивыми словесными комплексами», и «жесткими моделями», и «синтаксическими фразеологизмами», и «фразеологизированными схемами» [5]. Понятно, что общепринятого термина для названия несвободных синтаксических и лексико-синтаксических образований до сих пор так и не выработано; не определен их статус: обычные ли это единицы синтаксиса, единицы ли особого уровня языка – фразеологии, или промежуточные конструкции, занимающие место между фразеологией и синтаксисом; нерешенными остаются вопросы о границах явления синтаксической фразеологизации, его объеме, путях и способах образования несвободных единиц; не определе-

но их место в практике вузовского преподавания, в школьном курсе русского языка теоретические сведения по этому вопросу программой не предусмотрены.

Подобную разноречивость в оценке немотивированных конструкций нельзя объяснять только тем, что в науке до сих пор остается дискуссионным вопрос и о специфических признаках фразеологизмов вообще, и о границах фразеологии, ее месте в системе языка и о связи фразеологии и фразеологизмов с процессом фразеологизации. Думается, что к образованию немотивированных синтаксических конструкций и пополнению корпуса особых синтаксических единиц языка ведет действие других, более крупных, процессов – процесса концептуализации и процесса коммуникативной категоризации, которые осуществляются на ментальном уровне и репрезентируются в языке в виде тех или иных языковых единиц.

Осмысление и оформление осмысленного в виде некоего абстрактного продукта осуществляется человеком непрерывно и фиксируется в коммуникативной деятельности как категории – «концептуальные объединения объектов» [1, с. 55]. Именно категоризация, понимаемая как «осмысление объектов и явлений действительности в рамках категорий – обобщенных понятий» [3, с. 11] и осуществляемая в целях коммуникации, и ведет к видоизменению, трансформации, редукции той или иной конструкции или ее части. Говорящему недостаточно воплотить в речи некий обобщенный смысл (категорию), он ищет разные речевые, а в дальнейшем и языковые способы его воплощения, или – что происходит чаще – «перебирает» возможности для воплощения тончайшего нюанса той или иной категории. В результате таких экспериментов и появляются специфические синтаксемы – целые самостоятельные конструкции или участки синтаксической конструкции, которые не могут рассматриваться как мотивированные с точки зрения грамматических связей и отношений. Подобные синтаксемы с большим трудом описываются в терминах формальной грамматики и не укладываются в традиционные представления о структурно-смысловом устройстве предложения – *Нашли о ком поговорить; Нам есть где разместиться; Какая вам забота до меня; Уж кто-кто, а вы бы помолчали; На что уж добрый человек, а и то рассердился; Все дело в том, что нам требуется помощь.* Осмысление и грамматический анализ подобных образований возможен только на уровне позиционной схемы высказывания, находясь же на уровне структурной схемы предложения такие конструкции описать не всегда возможно.

В теории референции, изучающей и описывающей динамические аспекты актов наименования, предложение принято рассматривать как один из результатов сложного процесса номинации, как знак, референтом которого служит ситуация объективной действительности. Для объективации сигнификата, связанного с одной и той же ситуацией объективной действительности, в речи могут быть использованы различные (простые и сложные по структуре) синтаксические конструкции, которые, участвуя в выражении одного и того же смысла, образуют ряды соотносительных средств. На сигнификативном уровне ситуации (или событию) объективной действительности соответствует пропозиция, традиционно понимаемая как некая семантическая модель события. Пропозиция фиксируется струк-

турной схемой и осваивается системой языка. В речи (в высказывании) пропозиция задает позиционную схему с динамичным и постоянно меняющимся набором позиций, в которых воплощены те или иные категории – субъект, действие, объект действия, место действия, причина и многие другие. «Пропозиция постоянно развивается, и поэтому в высказываниях появляются новые по своей семантике позиции» [3, с. 14], многие из которых уже невозможно описать с опорой на структурную схему предложения.

На сегодняшний день синтаксическая наука располагает практически исчерпывающим и детально изученным списком структурных схем предложений, свободных по своей структуре и семантике. Несвободные же образования должны описываться через понятие позиционной схемы высказывания и рассматриваться как продукты так называемых «речевых» текстов, в которых и осуществляются разнообразные видоизменения позиционной схемы и возможное появление новой структурной схемы предложения.

Думается, что именно поэтому следует различать тексты «языковые» и «речевые» как результаты двух сложных и отличающихся друг от друга психологических процессов – деятельности языковой и речевой. В результате языковой деятельности порождение текста происходит в согласовании с правилами, составляющими систему языка. В результате же речевой деятельности «рождается» текст, который может быть организован не по правилам системы языка или в котором соблюдены не все языковые правила [6, с. 194] (*Кто потерял ключи, они на вахте; Каково оно – не сдать экзамен; Кто хочет поехать на экскурсию, составьте список; Где если не у нас, вам об этом скажут; С кем дружим, а с тобой не пойду; На что уж зима долгой была, а все равно не успели; Зачем сделала, я понимаю; Кому нужна справка, я ее вам завтра дам*). Сама речь как деятельность, в процессе которой создаются и функционируют речевые произведения, не всегда организована по языковым правилам и не всегда является результатом реализации языковой системы.

Именно «речевой» текст является источником порождения немотивированных синтаксических структур, которые следует рассматривать не только как результат отступления от грамматических норм языка, но и как некие предструктуры – прообразы новых синтаксических конструкций, становление и формирование которых происходит в речевом тексте. В первичных текстах рождаются новые варианты синтаксических конструкций, фиксирующих внеязыковую ситуацию или отдельные компоненты ситуации, причем некоторые из синтаксических структур так и остаются в речи, другие же фиксируются структурной схемой, и «уходят» в систему языка, становясь затем единицами вторичных «языковых» текстов.

При продуцировании первичного речевого текста высказывание не всегда строится по структурной схеме предложения. Воплощая ту или иную категорию, говорящий не только ищет для нее наиболее удачное вербальное выражение, но и по-иному встраивает ее в высказывание, нарушая тем самым системные регулярные связи между структурой и лексическим наполнением той или иной единицы, с одной стороны, и ее семантикой (лексической и грамматической) – с другой стороны. Подобный структурно-семантический сдвиг обязательно со-

провождается полной или частичной десемантизацией и лексикализацией десемантизированных элементов, которые утрачивают свое значение, но, выражая новый пропозиционный смысл и формируя новую позицию, в сочетании с другими элементами приобретает новое значение или функцию (функцию союза, зачина, ввода, концовки, актуализатора и др.). Например: Конечно, об этом можно сказать, но только *смотря кому; Что касается меня, то я всегда рада помочь Вам; Если говорить о сегодняшнем случае, то мне все это не нравится; Не надо стоять, как столб *столбом; Каково это – жить на войне; В заключение хотелось бы сказать; Праздник *праздником, но нельзя забывать о своих обязанностях; Достаточно температуры зимой опуститься на несколько градусов, чтобы тебе сразу же заболеть.***

Совершенно очевидно, что изучать синтаксемы «речевых» текстов, с опорой на формальную грамматику, вряд ли возможно, поскольку «речевые» тексты не состоят из синтаксических языковых структур – они их формируют [6, с. 194]. Только в «речевом» тексте появляются так называемые деформированные синтаксические образования, фразеологизированные конструкции, конструкции с грамматическими нарушениями. Какие-то из подобных структур в дальнейшем оформятся в структурную схему и из предструктур превратятся в полноценные языковые единицы, пусть и особые. Такой процесс уже активно происходит в языке, его результатом является большое количество разнообразных новых структурных схем простого предложения.

Интересны конструкции, в организации которых принимают участие несвободные словосочетания с лексическим повтором – *день за днем, год за годом (N1 за N5), изо дня в день, из города в город (из N2 в N4), задача из задач, лучшие из лучших (N1 из N2pl), от дома к дому, от творения к творению (от N2 к N3)*. Синтаксема N1 за N5, занимая позицию субъекта или предиката, воплощает не только категорию субъекта, но и категорию количества – *Буднично и незаметно проходили день за днем – множество называемых предметов или явлений, непрерывная их цепочка - Буднично и незаметно проходило много дней*. В высказывании с другим лексическим наполнением синтаксема N1 за N5 в позиции субъекта воплощает категорию субъекта и категорию непроцессуального признака субъекта – *На заводе или авария за аварией – На заводе или постоянные аварии* - или даже может обладать категориальным значением признака процесса – *На заводе постоянно случались аварии*.

Синтаксема N1 из N2pl, занимая позицию предиката, обладает дополнительным категориальным значением признака высокой степени проявления (положительного или отрицательного) – *Она была красавица из красавиц – Она была настоящей красавицей – Она была самой красивой*.

Синтаксема из N2 в N4 в позиции качества процесса воплощает и категорию места действия с дополнительным признаком предмета, который обозначает место – *Из номера в номер печатаются материалы о русском языке – В каждом номере печатаются материалы о русском языке*. В высказывании с другим лексическим наполнением синтаксема из N2 в N4 в позиции места обладает дополнительным категориальным значением однородных предметов, на которые действие распространяется в непрерывной последовательности – *Осуще-*

ствляя перепись населения, специалисты перешли из дома в дом.

Синтаксема от N2 к N3, занимая позицию качества процесса, помимо этого называет предметы, обозначающие границы постепенно или циклично развивающегося действия – *Профессионализм писателя растет от произведения к произведению*.

Несвободная, но уже ставшая достаточно частотной структурная схема МАЛО ЛИ + Pron / Adv + Vf в позиции субъекта (места, времени, объекта) воплощает еще и категорию отношения – *Мало ли кто об этом говорит; Мало ли когда это случится; мало ли куда вас позовут; Мало ли о чем будет разговор* – отношение неприятия, отстранения от названных местоимением или наречием лиц, предметов, обстоятельств.

Структурная схема ЕСТЬ (НАШЕЛ) + Pron + Inf (с иронической интонацией) содержит позицию утверждаемого объекта или обстоятельства, в которой воплощены одновременно и категория признака, и категория отрицания объекта или обстоятельства – *Было бы кого учить! – Учить некого!; Есть о чем спорить! – Спорить не о чем!* В высказываниях с иным лексическим наполнением в позиции утверждаемого отвлеченного процесса содержится отрицание необходимости действия, названного инфинитивом – *И не проси, было бы кого прощать – И не проси, я его не прошу*.

Немотивированные синтаксические образования разнообразны по своей структуре и могут появиться на разных уровнях синтаксиса: на уровне словосочетания, на уровне простого и сложного предложений, на уровне сложного синтаксического целого. Семантический сдвиг, который происходит в высказывании, может затронуть только форму синтаксической единицы, либо модель и лексическое наполнение (и форму, и содержание единицы), либо модель и один или несколько лексических компонентов. В зависимости от этого выделяются разные виды несвободных конструкций: чистые фразеосхемы и лексико-синтаксические фразеологизмы [5].

Думается, что можно говорить и об уровне синтаксемы, представленной не сочетанием нескольких лексем, а дискретной лексемой, которая в высказывании может оказаться немотивированной с грамматической точки зрения. В этом смысле любопытно поведение лексемы *в заключение*, которая является производной от предложно-падежной формы существительного *заключение* (*в заключении*) и отличается от него своим графическим обликом. Лексема *в заключение* представляет собой результат процесса транспозиции и почему-то квалифицируется как предлог, в то время как предлогом не является, поскольку не формирует падежную форму имени, которое должно находиться за предлогом (ср., например: *в течение дня, на протяжении суток, в результате поиска и в заключение хотелось бы сказать...*). Лексема *в заключение* – не предложный компонент какой-то предложно-падежной формы, а застывшая и графически видоизмененная предложно-падежная форма девербатива *заключение*. В словаре русского языка С.И. Ожегова в конце словарной статьи, посвященной толкованию слова *заключение*, представлена как существующая и форма *в заключение* [2, с. 179], но не названа предлогом, а отмечена особым значком, каким в словарных статьях отмечаются фразеологические сочетания, устойчивые выражения, «общее значение которых не определяется непосредственно значением данного слова» [2, с. 6]. Примечательно, что

З.Д. Попова, представившая и описавшая в своей монографии [3] исчерпывающий на сегодняшний день список предложно-падежных форм и оборотов, не включила в него лексему *в заключение*. В высказываниях шаблонного типа, которые организуют финальный элемент текста (заключение), интересующая нас лексема функционирует не как предлог, но и не как полноценное существительное, а как транспозиционный девербатив – результат неполной десемантизации предложно-падежной формы имени с семой «место» и закреплением ее позиции в высказывании. «Лексема может стать предлогом, если в ее значении есть сема релятивности» [3, с. 6]. Представляется, что в лексеме *в заключение* такой полноценной семы нет, а вот частичное семантическое опустошение, обособление от других компонентов высказывания и потеря грамматической мотивированности явно присутствуют. Понятно, что в семной структуре лексемы происходят изменения, и скорее всего в результате действия процесса категоризации трансформируется и меняется категориальное значение словоформы, которая становится немотивированной синтаксемой в изначально свободной и грамматически мотивированной конструкции, построенной по определенной структурной схеме (*В заключении своего сочинения (повествования) мне хотелось бы сказать, что... – В заключение мне хотелось бы сказать, что...*).

Таким образом, представляется, что процесс фразеологизации не является первичным, он осуществляется и действует как вторичный в рамках процессов концептуализации и категоризации. Именно эти ментальные процессы запускают механизмы изменений в динамичной позиционной схеме высказывания, когда конструкция или отдельные ее участки начинают перестраиваться – трансформироваться, сжиматься, метафоризироваться, сокращаться и в дальнейшем фразеологизироваться. Однако вовсе необязательно, что в результате трансформации высказывания «запускается» и процесс фразеологизации конструкции, то есть происходит изоляция, обособление единиц и потеря ими семантической и грамматической мотивированности. В речевых произведениях функционирует большое количество высказываний, в которых категоризация инициировала вторичные процессы, например, процесс, транспозиции лексемы, когда лексема теряет мотивированность и превращается в синтаксему, и процесс синтаксической компрессии, однако вся конструкция тем не менее не фразеологизируется. Примером таких единиц и могут быть высказывания с синтаксемами *в заключение, в конце, в начале, в итоге* (*В конце хочу сделать вывод; В итоге мне хочется отметить; В начале я обозначаю свою позицию по данному вопросу*).

Итак, теоретическое осмысление немотивированных синтаксических образований находится пока на стадии разработки. Ученым предстоит большая работа по систематизации исследований в этой области и дальнейшее описание материала.

Именно поэтому несвободные синтаксические конструкции – единицы, которые строятся по определенным устойчивым схемам и обладают целым набором признаков, отличающих их от лексических фразеологизмов, с одной стороны, и свободных синтаксических конструкций – с другой, должны быть предметом всестороннего изучения в синтаксисе.

Выбирая особые синтаксические конструкции объектом научного анализа, следует отдавать себе отчет в сложности и неразработанности проблемы

синтаксической немотивированности и, не претендуя на детальный и всесторонний анализ несвободных образований как особого класса языковых единиц и исследование их информативной ценности, ставить перед собой прежде всего задачу описания всего массива несвободных синтаксических конструкций, встречающихся в языке и речи, с обяза-

тельным обсуждением круга проблем синтаксической фразеологии, а также систематизацией имеющегося материала и составлением по возможности полного списка несвободных синтаксических построений и на уровне словосочетания, и на уровне предложения в виде классификации с попутным описанием моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Болдырев, Н.Н. Категориальная система языка: когнитивный подход [Текст] / Н.Н. Болдырев // В лабиринтах сознания, времени, языка. – Тамбов : ТГУ, 2013. – С. 52–79.
2. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М. : Азъ, 1994. – 907 с.
3. Попова, З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции) : монография [Текст] / З.Д. Попова. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2014. – 232 с.
4. Русская грамматика [Текст]. – М. : Наука, 1980. – Т. 2. – 710 с.
5. Слепцова, А.М. Несвободные синтаксические конструкции (синтаксические фразеологизмы русского языка) : учебное пособие [Текст] / А.М. Слепцова, Г.П. Стуколова. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 1998. – 63 с.
6. Стуколова, Г. П. Онтологический статус текста [Текст] / Г.П. Стуколова // Известия ВГПУ. – 2015. – Т. 266. – № 1. – С. 192–195.
7. Стуколова, Г.П. Синтаксические фразеологизмы русского языка [Текст] / Г.П. Стуколова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе / под ред. О.В. Загорской. – Воронеж : издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. – Вып. 26. – С. 26–29.
8. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи [Текст] / Н.Ю. Шведова. – М. : АН СССР, 1960. – 269 с.
9. Шмелев, Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М. : Наука, 1976. – 149 с.